

Александр Фокин

Джефф Сахадео. Голоса советских окраин: жизнь южных мигрантов в Ленинграде и Москве. М.: НЛО, 2023. 472 с. ISBN 9785444819845.

Александр Фокин, Институт социальных наук, Первый МГМУ им. И. М. Сеченова Минздрава России (Сеченовский Университет); факультет гуманитарных наук, Московская высшая школа социальных и экономических наук. aafokin@yandex.ru.

В 1988 году Гаятри Чакраворти Спивак опубликовала эссе «Могут ли угнетенные говорить?» (Спивак 2022), в котором, опираясь на концепцию субалтернов, отмечала, что угнетенные находятся не просто в политически или экономически подчиненном положении, но прежде всего лишены доступа к различным медиа и в силу этого оказываются неспособными заявить о своих интересах. Работа Спивак оказала большое влияние на постколониальные исследования, ставившие под сомнение доминирующие нарративы западной академической традиции. Книга Джеффа Сахадео, посвященная жизни «южных мигрантов» в Москве и Ленинграде, объединяет антропологический подход и постколониальную перспективу для анализа советской миграции. Следуя идеям Спивак, Сахадео обращается к «голосам» людей, не всегда оставляющих след в привычных для историков источниках и тем самым оказывающихся в «слепой зоне». Так, автор возвращает советских субалтернов в «большую историю» и делает их частью советского опыта.

Разговор о миграции в СССР парадоксальным образом сталкивает две позиции. С одной стороны, существует представление о том, что в советское время человек был маломобильным и фактически прикреплялся к определенному месту (Попов 1995). Авторы, придерживающиеся этого мнения, приводили аргументы, указывая на отсутствие паспортов у крестьян, существование системы прописки, отсутствие легального рынка недвижимости и т. п. С другой стороны, весь период своего существования советское государство реализовывало масштабные проекты, требовавшие перемещения огромных масс людей, что превращало СССР в страну постоянной миграции. Как писали Льюис Сигельбаум и Лесли Мох, миграции в XX веке были подвержены различные группы советского населения. В их числе переселенцы, сезонные рабочие, переехавшие в города крестьяне, переводимые из-за службы в армии военные, эвакуированные и беженцы, депортированные и кочующие со стадами народы и так далее (Sigelbaum and Moch 2014). Опираясь на мемуары, они показывают, что практики, сформированные еще в Российской империи, пережили революции и активно воспроизводились уже в советское время и что в основе массовых миграционных перемещений в СССР (даже учитывая размах выселок, репрессий и депортации народов в сталинский период) лежал все же добровольный выбор граждан, стремившихся путем смены места жительства улучшить свое положение.

Работа Сахадео подтверждает это наблюдение, сужая хронологию до миграции XX века и опираясь на устно-исторический подход. В ее основе 75 интервью, взятых у бывших советских мигрантов разных национальностей. В их числе буряты, армяне, азербайджанцы, грузины, казахи, кыргызы, таджики, узбеки, а также представители малых народов Северного Кавказа, прожившие месяцы или годы в Ленинграде и

Москве в период с 1950-х по 1980-е годы. Автор отмечает, что не ставил своей целью создать репрезентативную выборку из числа представителей различных советских этносов, – скорее, он стремился показать многообразие опыта, связанного с позднесоветской миграцией.

В отличие от Алексея Юрчака (2014), полагавшего, что артикулированный в позднесоветские годы официальный дискурс в своей косности и следовании «проформе» на излете существования СССР уже значительно утратил первоначальные смыслы и значения для советских людей, Сахадео, основываясь на интервью с мигрантами, утверждает обратное. Он пишет: «При всех различиях в инвестициях и внимании между центром и периферией, жители Кавказа и Средней Азии твердо верили в принципы социалистической идеологии и в ее риторику равенства, семьи и в особенности дружбы. “Дружба народов” явно не принадлежала к числу тех советских лозунгов, которые превратились, по словам Алексея Юрчака, в “пустые” и “бессмысленные” символы: этот принцип играл важную роль в становлении идентичности южных мигрантов» (с. 21).

Показательно, что оба исследователя – и Юрчак, и Сахадео – обращаются к опыту жителей и мигрантов из Москвы и Ленинграда, а также оба используют интервью в качестве источников. Тем не менее, поскольку интервьюируемые у авторов представляют разные прослойки советского общества, материал, изложенный в книге Сахадео, ставит вопрос о том, насколько универсальными для советских граждан являются категории «внеаходимости» и «воображаемого Запада», если разница в отношении к советскому дискурсу обнаруживается даже внутри крупных советских мегаполисов, не говоря уже о других территориях.

Одновременно с этим в обсуждаемой монографии ставится вопрос о периодизации позднесоветской истории (с. 29). Традиционными рубежами в советской историографии принято считать смену руководителей, но если смотреть на ситуацию глазами рядовых граждан, то приход к власти Леонида Брежнева или Юрия Андропова не влияли, по мнению автора, на их повседневную жизнь. В то же время ужесточение паспортного режима в преддверии Олимпиады-80, наоборот, значительно затруднило положение «южных мигрантов» в советских столицах. Другими словами, для осмысления основных вех в социальной истории позднего СССР требуется значительно более гибкая шкала, нежели отставка или смерть советских генсеков.

Книга содержит семь глав: «Глобальные советские города», «Дружба, свобода, мобильность и образ “старшего брата”», «Найти свое место и обустроиться в двух столицах», «Расы и расизм в СССР», «Стать “своим” в двух столицах», «Мигранты как маргинальный слой общества» и «Перестройка». К сожалению, в работе не приводятся отрывки из самих интервью с советскими мигрантами, позволившие бы более полно воспринять их опыт. Очевидно, что возможность познакомиться с интервью и их расшифровками на специальных онлайн-ресурсах в значительной мере помогла бы читателю не только оценить всю палитру суждений о миграции, но и увидеть авторский метод работы с этими данными. В качестве удачного примера подобного онлайн-ресурса можно привести проект «Европейская память о ГУЛАГе» (www.gulagmemories.eu).

Выбор Москвы и Ленинграда как мест миграции автор объясняет не только их столичным статусом и высоким уровнем снабжения, но прежде всего тем, что они, по его мнению, были «глобальными советскими городами». Сахадео пишет: «По аналогии

с тем, как Кирстен Маккензи и другие исследователи объясняют возникновение империй глобальными сетевыми связями, я утверждаю, что сети в постимперский период, наряду с процессами послевоенной урбанизации и модернизации, привели к формированию глобальных городов. В случае Советского Союза такими городами стали Ленинград и Москва. Эти города формировались культурными, социальными и экономическими системами империи и одновременно сами оказывали на них влияние» (с. 36–37). В своем выборе изучать миграцию в столицы СССР Сахадео противостоит сложившейся историографической традиции, в рамках которой исследователи искали и находили примеры социалистических городов за пределами центра. Так, лицами социалистического проекта среди прочего становились Магнитогорск (Kotkin 1997), другие города Урала (Бугров 2018), а также послевоенный Минск (Бон 2013). В послевоенной ситуации Москва и Ленинград должны были демонстрировать внешнему миру статус сверхдержавы и быть открытыми для мировой общественности. При этом оба города сталкивались с одним из многих парадоксов советской системы. С одной стороны, столицы необходимо было снабжать лучше, чем многие другие территории СССР, а следовательно, надо было ограничивать количество населения с тем, чтобы спрос на товары существенным образом не превышал предложение. Важным элементом такого регулирования была прописка, позволявшая контролировать перемещение населения и потоки миграции. С другой стороны, Москве и Ленинграду всегда нужны были рабочие руки, поэтому компромиссным вариантом стала практика выделения лимитов на предприятия и появление особой категории населения – «лимитчиков» (с. 74). Помимо постоянной работы гости с Юга выполняли еще одну важную функцию в позднесоветском обществе – удовлетворяли потребности столичного населения в дефицитных товарах. Хотя овощи, фрукты и цветы на рынке стоили ощутимо дороже, чем в государственных магазинах, они всегда были в наличии, а их качество было лучше. Так, советский средний класс, лишенный доступа к закрытым распределителям, но имеющий средства, благодаря мигрантам мог побаловать себя «южными» товарами.

Вместе с тем Москва и Ленинград были основными образовательными площадками страны и потому туда важно было отправлять на учебу представителей различных территорий Советского Союза, что в свою очередь стимулировало образовательную миграцию из республиканских периферий. Таким образом, Москва и Ленинград не могли быть закрытыми городами и, несмотря на разного рода сложности с пропиской и обустройством, оставались притягательными местами для мигрантов.

Еще одной важным исследовательским шагом для автора становится выделение мигрантов из Средней Азии и Кавказа в одну группу. Сахадео называет их «южными» мигрантами. В этом можно увидеть отражение популярной концепции глобальных Юга и Севера, в соответствии с которой как в современной России, так и в мире в целом именно глобальный Юг является основным источником массовых миграций, и, таким образом, историю СССР можно вписать в большую дискуссию о неравенстве и дискриминации. Тем не менее важно заметить, что проблемы с пропиской в столичных городах касались не только тех, кто отличался от жителей советских столиц цветом кожи или акцентом. Об этом весьма художественно рассказывалось в культовом советском фильме «Москва слезам не верит», строящемся вокруг судеб трех «понаехавших» в Москву подруг. Другими словами, сложности переезда в сто-

лицы и ограничения, накладываемые на мигрантов, были характерны не только для представителей Юга, но и для мигрантов из других российских регионов. Более того, вчерашний колхозник из Архангельска или Ярославля при переезде в Москву едва ли мог надеяться на помощь своей диаспоры в отличие от грузин, азербайджанцев или армян, чье обустройство в столицах нередко было сопряжено с ее помощью. На мой взгляд, сравнение опыта мигрантов с Юга и Севера в Москву и Ленинград помогло бы лучше понять, что в этом опыте было типично советского, а какие сложности возникали именно в связи с национальностью и расовыми особенностями, характерными для миграции с территорий глобального Юга в целом.

Центральный вопрос книги, проходящий через все истории, – можно ли говорить о том, что в СССР существовала системная расовая дискриминация, которая выражена в формулировании концепта «черные», призванного закрепить в языке и культуре различие между группами советских граждан? У автора нет на это однозначного ответа. В работе приводится множество примеров того, как люди сталкивались с бытовым расизмом: «Айбек Ботоев вспоминал, что от криков “черные!” и “чурки!” в очередях и на улицах он и его друзья приходили в “бешенство от гнева” и не знали, как на них реагировать» (с. 186); «Гульнара Алиева рассказывала о многочисленных проявлениях нетерпимости – от комментариев в автобусе из-за того, что она была в платке: “Ты посмотри, Азия повсюду” – до постоянных реплик секретарши в стоматологическом кабинете: “А, опять ты пришла”» (с. 187); «Наиболее ярко ощущение своей чуждости Арюна Хамагова пережила в очереди в ленинградский театр в середине 1970-х годов. Она стояла со своей подружкой-буряткой, которая была с русским парнем, и услышала, как кто-то крикнул их спутнику: “Тебе должно быть стыдно, что ходишь с такой обезьяной. Найди себе русскую девушку для занятий любовью”» (с. 185). Эти и другие примеры показывают, что не только студенты из Африки или других заграничных территорий воспринимались в Москве и Ленинграде как чужие. Обладатели советского паспорта, но с иной, чем у славян, кожей и разрезом глаз, также могли столкнуться с нетерпимым поведением в разных пространствах города – от очереди до университетской аудитории.

Можно ли тогда считать, что декларация дружбы народов и интернационализма, звучащая в официальном дискурсе на протяжении всего советского периода, не имела к концу существования СССР реального наполнения? Интервью мигрантов говорят, что ситуация была гораздо сложнее и помимо конфликтов на национальной и религиозной почве они сталкивались с помощью и проявлением дружбы: «Азамат Санатбаев и Бакыт Шакиев вспоминали, что во время их военной службы за любое расистское высказывание или поведение можно было получить пятнадцать суток ареста» (с. 210); «Нурланбек Сатилганов вспоминал, как сумел отстоять себя в противостоянии с преподавателем-шовинистом: “Я рассказывал о конфликтах с ним на комсомольских собраниях и отстаивал честь кыргызов. И тогда кого-то в университете серьезно наказали. Я, студент третьего сорта, мог противостоять учителю! [Государство] пыталось заботиться о нас, создавать для нас уют”» (с. 211); «Казахстанская ученица Алия Нуртаева считала, что советскому государству удалось полностью искоренить национальные предрассудки: “Расизм был неприемлем в Советском Союзе. Его вообще никогда не существовало. Меня воспринимали как советскую гражданку, наравне со всеми остальными”» (с. 213).

В целом, как показывает Сахадео, большинство его респондентов скорее позитивно оценивают советский опыт. По мнению автора, единое гражданство и советская модель жилищной политики позволяла мигрантам гораздо проще интегрироваться в крупные города СССР, нежели в других столицах бывших колониальных империй.

На мой взгляд, главным достоинством обсуждаемой книги является стремление через голоса «южных мигрантов» показать сложный характер советской системы, в которой было переплетено множество различных элементов. Голоса советских субалтернов (в терминологии Спивак) оказываются вписанными в большую дискуссию о характере советского проекта, затрагивающую не только академическую, но и общественную сферу. В ней идет речь о природе национальной политики СССР, а также о вопросе, был ли СССР империей и насколько его политика была колониальной. Однако если на материале 1920–1930-х годов она описана довольно подробно, то для позднесоветского контекста эти исследования еще только предстоит провести (Martin 2001; Brown 2004; Hirsch 2005). Размышляя о применимости концепции колониальности для анализа советской системы, историк Сергей Абашин приходит к выводу о необходимости выхода за рамки бинарной оппозиции. Он пишет: «колониальность (в виде тех или иных практик, институтов или событий), безусловно, была в советском, но само советское далеко не исчерпывалось колониальным и не сводилось к нему» (Абашин 2016:49). Материалы, приводимые Джеффом Сахадео в монографии, служат еще одним аргументом в пользу этого мнения. Его респонденты, хотя и сталкивались с проблемами на национальной и расовой почве, верили в «дружбу народов». В то же время голоса советских субалтернов позволяют понять, как рост расовой дискриминации и региональное неравенство стали важными факторами распада Советского Союза.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абашин, Сергей. 2016. «Советское = колониальное? (За и против)» С. 28–49 в *Понятия о советском в Центральной Азии*. Бишкек: Штаб-РгеББ.
- Бон, Томас. 2013. «Минский феномен»: городское планирование и урбанизация в Советском Союзе после Второй мировой войны. Москва: РОССПЭН.
- Бугров, Константин. 2018. *Соцгорода Большого Урала*. Екатеринбург: Издательство Уральского университета.
- Попов, Василий. 1995. «Паспортная система в СССР (1932–1976)». *Социологические исследования* 8:3–14; 9:3–13.
- Спивак, Гаятри Чакраворти. 2022. *Могут ли угнетенные говорить?* М.: V-A-C Press.
- Юрчак, Алексей. 2014. *Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение*. М.: Новое литературное обозрение.
- Brown, Kate. 2004. *A Biography of No Place: From Ethnic Borderland to Soviet Heartland*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Hirsch, Francine. 2005. *Empire of Nations: Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union*. Ithaca, NY: Cornell University Press.
- Kotkin, Stephen. 1997. *Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization*. Berkeley: University of California Press.
- Martin, Terry. 2001. *The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939*. Ithaca, NY: Cornell University Press.
- Siegelbaum, Lewis H., and Leslie Page Moch. 2014. *Broad Is My Native Land: Repertoires and Regimes of Migration in Russia's Twentieth Century*. Ithaca, NY: Cornell University Press.